

Второе дыхание

— Не нужна я совхозу! — сказала Александра Михайловна.

В комнате повисло отчуждённое молчание. Секретарь горкома партии Иван Кузьмич Пятов выжидательно посмотрел на директора совхоза, на парторга. Лица их были непроницаемы. Только что они вернулись из поездки по отделениям. И это «выяснение отношений» с главным бухгалтером в присутствии «районного начальства», видимо, казалось им неуместным.

Иван Кузьмич не спеша снял пальто, энергично растирая замёрзшие пальцы, сел за маленький столик, примкнутый к директорскому канцелярскому «комбайну». Кивком пригласил Александру Михайловну занять место напротив.

— Почему же не нужна?

— Так получается.

Александра Михайловна сдвинула на затылок меховую шапочку. Это придало ей решительный, даже дерзкий вид. Сейчас она выскажет секретарю всё наболевшее... Дело вовсе не в том, что руководители совхоза не считаются с нею — с главным бухгалтером. Куда-то ездят, что-то закупают, заключают договоры. А есть ли на совхозном счёте хоть копейка — им это, как зайцу стоп-сигнал. Главный агроном отправил зерно обменять на семенное, а документов никаких не привёз. Кто зерно принял, сколько, одному богу известно. Главное, однако, в другом: расчёты показывают, что продукция достаётся совхозу дорого, много средств поглощает бесхозяйственность, бестолковщина. И никто ни разу не обратил внимания на эти расчёты, никто не поддержал бухгалтера, не разделил её озабоченности.

По привычке секретарь слушал молча, чуть склонив голову, завесив глубоко ввалившиеся глаза густыми бровями. «Сдаёт, — поглядывая на него, думал директор. — Не те силы».

Поза Ивана Кузьмича казалась ему выражением крайней усталости. Он не замечал сосредоточенного внимания секретаря. Спокойно откинувшись в кресле, директор небрежно прервал бухгалтера:

— Документы! Бумажки! А ты скажи, где мне двести тонн мяса взять?

Он был сторонником крупной стратегии: шумных совещаний, больших цифр, радикальных преобразований, броских новостроек. Он умел найти подрядчиков, «вытрясти» у шефов рабочую силу, получить кредит, раздобыть материалы, принять широкую программу, обещать кому надо материальную поддержку. А бумажки, документы, отчёты... Победителя не судят, потом всё можно расписать.

Сегодня, правда, непоколебимая уверенность в своей правоте впервые дала маленькую, еле заметную трещину. В отделении, откуда только что они вернулись, он неожиданно столкнулся с единодушным осуждением предложенной им оплаты труда. Опять бумажки, опять деньги! И хоть бы деньги большие, так — копейки. Сказали бы раньше — нашёл бы способ удовлетворить. Мало ли как — за сверхурочные ли, по аккордным нарядам, в виде премии. А то раздули при секретаре горкома. Вот и бухгалтер снова... Директор поёжился — из форточки тянуло пронзительным холодом.

— Дают доверенность, а отчёта не спрашивают, — сердито продолжала Александра Михайловна. — Дояркам условия оплаты изменили, а бухгалтеру — ни слова...

Иван Кузьмич знал толк в умелой, экономически целесообразной работе, в тонкой, дотошной бухгалтерии. Но понимал и то, что без директорского размаха тоже нельзя. Сегодня есть убытки — верно. Новые коровники, новый кирпичный склад сработают завтра. А были бы они без разворотливости и смётки директора?

— Как у вас дома дела, Александра Михайловна? — казалось, без всякой связи с предыдущим вдруг спросил секретарь.

— Дома? — от неожиданности она слегка опешила. — Ничего...

— Ну а с директором, Александра Михайловна, ссоритесь?

— Какой смысл? Чуть что скажешь — недовольство...

— Вот и пусть «недовольство»...

Иван Кузьмич обернулся к парторгу. Тот потихоньку поднялся с дивана, вышел. Вернулся уже в сопровождении главного инженера, главного агронома, главного зоотехника. Все «противники» Александры Михайловны были тут. Присмотрев во взгляде Ивана Кузьмича доброжелательность, она приободрилась, пошла в атаку. Секретарь горкома знал: нужно ей выговориться. Ведь даже если он сейчас, тут же решит всё сделать так, как она требует, — а требования её правильны, но не все выполнимы, по крайней мере, сегодня, — это не будет для неё настоящей поддержкой. Такой, как сейчас, боевой настрой ей необходим всегда. Надо вдохнуть в неё уверенность. А уверенность вытекает из убеждённости...

...Тогда на колхозном собрании тоже ведь вот так было. Ладный, симпатичный паренёк требовал выдать ему документы — решил уйти в город. Всякие бывают беглецы от сельской, не всегда устроенной жизни. Иных он и не пытался удерживать. Но тот парень остановил его внимание своей рассудительностью. Иван Кузьмич попросил собрание перенести решение на завтра и позвал парня погулять.

Звенья, подрагивали под ветром тонкие ветви. Хрустели под ногами заиндевевшие лужи. Нет, парня мучила не тяжесть работы. И не отсутствие театров. У него как-никак десятилетка за плечами, он кое в чём разбирается. Книжки читает. Телевизор смотрит. Он «в принципе» против порядка в колхозе.

— Говорю председателю: ну зачем держать сотню коров, если кормов на половину нормы? Лучше пятьдесят и дать полный рацион, получить хороший надой, интенсивный привес. Зачем сеять хлеб, если урожай девять центнеров? Может, лучше картофель? Даже цикорий. Это же сколько денег можно заработать...

— Сократить стадо — дело нехитрое. Ну, сократим зимой, а летом у нас выгоны, лесные пастбища, лужайки разные. Это же почти даровое молоко и мясо. Зимой стадо сбережём, пусть без привесов, зато летом возьмём своё. А не попробуем взять — пропадёт трава, пропадёт даровой корм. Разумно ли это? Или хлеб. Сегодня восемь, девять центнеров, а завтра заправим пашню минералкой — и все семнадцать дадим. А то и двадцать пять, как в «Колосе» Тутаевском, слышал о таком?

Они ходили вдоль речки от моста до зерносклада. Спорили, доказывали друг другу, приводили примеры, выкладки. В цифрах парень был послабее. Иван Кузьмич знал районную статистику на память, всё — настриги, надой, привесы, квалификацию трактористов, зарплату доярок, фонды, планы, задания, потребности... Нет, сдавайся, парень, сдавайся, не устоять тебе. Ты увидел жизнь с одного бока, а Иван Кузьмич Пятов, секретарь горкома, знает её с десятка сторон. И о том, от чего ты сейчас приходишь в отчаяние, он уже думал и всему знает истинную цену. И парень сдался...

Нет, он не верил быстрым переколкам, мгновенным перестройкам и прочим чудесам. Поступки людей вынашиваются долго. Жизнь, пример учит прочнее, сильнее, чем слово. Но слово может быть и пустым, и лёгким, и невероятно веским, разбивающим одни взгляды и укрепляющим другие...

Пятов вытряс из помятой пачки «Беломора» папиросу, зажёл, с наслаждением затянулся:

— Вы, Александра Михайловна, действуйте, да понастойчивее.

Иван Кузьмич повернулся к директору:

— Понятно теперь, почему люди недовольны? Финансовые дела у вас в «Глебовском» без экономистов решались. Я вот посоветую ей к Пенкину обратиться, он научит тебя уважать финансы.

— Пенкин научит, это точно! — натянато рассмеялся директор, как бы давая понять, что знает строгий характер начальника районного управления сельского хозяйства...

Вернувшись к себе, Александра Михайловна долго, задумчиво перебирала на столе папки и бумаги. Что-то спало с души, стало легче. И в то же время не оставляло беспокойство: как просительно, наверное, звучал её голос! Стыд-то какой! Как будто сама не могла доказать то, что сейчас, наверное, доказывает директору Иван Кузьмич. Он-то сможет! А она? Нет, надо самой. Как? Вот об этом ей и думать...

Пятов знал: Александра Михайловна будет недовольна собой. А это уже хорошо. Такое недовольство рождает новую энергию.

Знал он и другое: нельзя давать возврата и директорскому самодовольству. Не подавляя организаторского размаха, воли, энергии совхозных руководителей, нужно помочь им не пасовать перед трудностями, настроиться по-боевому.

Разговор после ухода главного бухгалтера зашёл о подготовке к посевной. Велась она плохо. Задание, сроки под угрозой срыва.

— Понимаете, нет у нас запасных частей, — сокрушённо, с какой-то панической ноткой в голосе говорил главный инженер...

Да, кто-то допустил просчёт, и вот весна, надо готовиться к выходу в поле, а исправных машин мало. Но раскисать не следует — уже приняты меры, размещены заказы, запчасти будут. Пятов сказал им об этом, сказал не для «утешения», а чтобы встряхнулись, поняли: невыполнимых заданий нет. Человек может преодолеть многое, если он собран, нацелен на преодоление недостатков, на успех дела. Настроить его так — значит удвоить его силы, дать ему второе дыхание. И тогда победа будет за ним.

— Как у вас заведующий мастерской работает? — спросил Пятов.

— Добросовестно, — ответил парторг. — Только его не хватает. Ни организационно, ни в смысле энергии...

— Давайте разберёмся, почему. Прощать не будем, ссылаться на объективные трудности тоже. Но и стучать кулаком, искать виноватого — не способ выйти из прорыва. У каждого есть свой предел прочности. Сломать человека легко, поднять тяжело.

— Надо создать, — предложил инженер, — манёвренный резерв из агрегатов.

— Дельная мысль! — улыбнулся Иван Кузьмич. — Вот так-то оно лучше: не плакаться, а думать, шевелить мозгами...

И все как-то ободрились. Разговор принял конкретное направление. Выдвигались и отвергались варианты. Приводились расчёты. Предложения и мысли сколачивались в стройный план действий. Пятов неторопливо ходил по кабинету, останавливался возле форточки, жадно вдыхал свежий морозный воздух. Он не мешал разговору. Только поддерживал его направление взглядом, вопросом, репликой, улыбкой. И я понял, что от этого и родилась и утвердилась в комнате спокойная, деловая обстановка, ускорившая поиски нужных практических шагов.

Когда я уезжал из района, Иван Кузьмич тоже «седлал свою лошадку» — «газик» стоял уже возле горкома. Его ждали шершавые километры асфальта, а ещё больше — просёлки, отороченные кружевами берёзовых ветвей. Дороги секретарские врезались стрелами в степное владимирское ополье, где стлался по полям гул тракторов, перекликались звонкие голоса пахарей.

Е. Сырцов
(собственный корреспондент «Советской России»).
Совхоз «Глебовский», Переславский район,
Ярославская область.